

Радбиль Т.Б.¹

**НАВЕДЕННАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ:
ОПЫТ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-МЕДИА²**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования феномена наведенной оценочности как рефлекса контекстно обусловленных оценочных преобразований изначально внеоценочных слов в их речевой реализации. Обсуждаются положительно-оценочный и отрицательно-оценочный потенциал адъективной лексемы «народный» в языке современных российских интернет-СМИ. Анализ проводится по репрезентативному массиву корпусных данных с использованием методики выявления семантических аур (семантических просодий) анализируемого слова в его непосредственном контекстном окружении в текстах. Материалом исследования являются контексты употребления прилагательного «народный» в газетном корпусе Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: наведенная оценочность; оценочные преобразования слова; прилагательное «народный»; интернет-СМИ; Национальный корпус русского языка; корпусный анализ; лингвокультурология.

Для цитирования: Радбиль Т.Б. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: опыт корпусного анализа интернет-медиа //

¹© Радбиль Т.Б., 2023

Радбиль Тимур Бенъюминович – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; timur@radbil.ru

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 3. – С. 95–105. – DOI: 10.31249/ling/2023.03.07

RADBIL' T.B.¹

**INDUCED EVALUATIVENESS AS AN OBJECT
OF LINGUO-CULTUROLOGICAL STUDY:
THE EXPERIENCE OF CORPUS ANALYSIS OF INTERNET MEDIA²**

Abstract. The article presents the results of a study of the phenomenon of induced evaluativeness as a reflex of contextually determined evaluative transformations of originally non-evaluative words in their speech realization. The positive-evaluative and negative-evaluative potential of the adjectival lexeme “narodny” (“folk”) in the language of modern Russian Internet media is discussed. The analysis is carried out on a representative block of corpus data using a method for identifying semantic auras (semantic prosody) of the analyzed word in its nearest contextual environment in texts. The research material is the contexts of the use of the adjective “narodny” (“folk”) in the newspaper corpus of the Russian National corpus.

Keywords: induced evaluativeness; evaluative transformations of the word; the adjective “narodny” (“folk”); Internet media; Russian National Corpus; corpus analysis; cultural linguistics.

For citation: Radbil' T.B. Induced evaluativeness as an object of linguo-culturological study: The experience of corpus analysis of Internet media. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. № 3. Pp. 95–105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07

Выявление ценностной составляющей национальной языковой картины мира сегодня выступает как одна из центральной задач современной лингвокультурологии [Радбиль, 1996; Ковшова, 2013]. При этом еще в работах А. Вежбицкой и Н.Д. Арутюновой была показана чрезвычайная сложность организации и, соответственно, интерпретации «языка ценностей» [Вежбицкая, 1997;

¹*Radbil' Timur Benyuminovich* – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; timur@radbil.ru

²The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Арутюнова, 1999]. Особенно это касается разного рода «непрямых», «неэксплицитных» средств выражения языковой оценочности, проявляющейся в рефлексах реального речевого функционирования слов и выражений естественного языка, но при этом не фиксируемой в словарях русского языка.

Как было показано в наших предыдущих исследованиях, тот или иной оценочный потенциал единиц языка может быть актуализован в определенных так называемых «репрезентативных» контекстах [Радбиль, 2011; Радбиль, 2017]. В ряде таких случаев мы, видимо, можем говорить о так называемой «наведенной» оценочности, которая имплицитруется непосредственным контекстным окружением диагностируемой единицы, под влиянием определяемого или определяющего слова, однородных слов, интенсификаторов или конкретизаторов и пр. Согласно нашим наблюдениям, многие слова русского языка, изначально никакой оценочности не имеющие, приобретают ее в результате семантических преобразований в каком-либо дискурсе «активного типа» (например, в политическом, медийном и пр.) [Соколова, 2014], поскольку обозначают значимые, «знаковые» в каком-либо отношении для этноса или индивидуума реалии, понятия, явления, признаки.

К таковым словам, вне всякого сомнения, относится и интересующее нас в этой работе прилагательное *народный*. Анализ контекстов употребления этого слова проводится по репрезентативному массиву корпусных данных. Материалом исследования являются языковые данные, извлеченные из газетного корпуса в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ].

На предварительном этапе исследования был осуществлен анализ словарных толкований прилагательного *народный* по данным основных русских лексикографических источников. Обобщение этих данных позволило выделить следующий комплекс значений для этого слова: 1. Относящийся к народу (в 1–3-м знач. слова *народ*: население государства, страны; нация, национальность, народность, группа родственных племен; часть населения, не принадлежащая к элите); 2. Принадлежащий стране, всему народу (в 1-м знач. слова *народ*); государственный; 3. Устроенный специально для непривилегированных слоев общества; 4. Относящийся к народу (в 4-м значении слова *народ*: люди); 5. Свойственный народу, характерный для него; 6. Соответствующий духу на-

рода, его культуре, мировоззрению, национальным особенностям, отображающий характерные свойства народа; 7. Созданный народом, принадлежащий ему (в 1–3-м знач. слова *народ*)' [БАС, 1958; МАС, 1999].

Нетрудно видеть, что в целом эти значения представляются нейтральными, внеоценочными. В основном именно они отражены в массиве корпусных данных газетного корпуса НКРЯ, например, значение 1: *Так, 19 мая на свое странице в Facebook Пашинян сообщил, что наступает «второй этап революции», который должен утвердить **народную власть** в судебно-правовой сфере [НКРЯ]; значение 2: С первых лет существования комсомол играл большую роль в выполнении поставленных партией задач по восстановлению **народного хозяйства**, коллективизации и проведению культурной революции в СССР [НКРЯ]; значение 4: В тот день был открыт газетный зал ЧувашиРОСТА (летний павильон городской библиотеки), а вечером начались **народные гулянья** [НКРЯ]; значение 5: Футурист Давид Бурлюк заявляет, «окидывая взором могучую фигуру великого **народного писателя**»: что поражало в Горьком – это связь его с народом [НКРЯ]; значение 7: Мурашки бегали по телу, когда И. Черепова пела «Балладу о военных летчицах», и совершенно другой предстала она в попури **русских народных песен** – задорной, игривой, искрометной [НКРЯ].*

Очень часто слово *народный* во внеоценочном употреблении используется в коллокациях, например, в составных наименованиях званий или в собственных именах, названиях праздников, организаций, партий, общественных движений и т.д.: *Это истинно национальная пьеса, всесторонне раскрывающая жизнь чувашского народа, считает режиссер спектакля, **народный артист СССР** Валерий Яковлев [НКРЯ]; В послевоенное время Иван Семенович Колесников трудился на предприятиях народного хозяйства, более 15 лет возглавлял **комитет народного контроля Грачевского района**, откуда вышел на пенсию [НКРЯ]; Прощаясь с гостями, мы пожелали всем здоровья, удачи и благополучия в ожидании следующей встречи «От всей души», которая состоится 1 ноября в зале Дома офицеров и будет посвящена двум праздникам – Дню рождения морского флота России и Дню **народного единства** [НКРЯ].*

Однако в ряде других репрезентативных контекстов в слове *народный* очевидным образом реализуется его оценочный потенциал – положительный или отрицательный. Сама идея выявления контекстуальной имплицитной оценочности основывается на обнаруженном в работах классиков корпусной лингвистики феномене «семантической ауры слова» («семантической просодии») – смыслового приращения, как правило, оценочной природы, которое обнаруживается при анализе коллокатов – непосредственного контекстного окружения слова – на большом массиве корпусных данных [Firth, 1957; Sinclair, 1991]. В контекстуально-просодической теории Б. Лоу показано, что именно изучение коллокатов, извлеченных из референциальных корпусов в большом количестве, позволяет извлекать из контекстов употребления слов информацию, стоящую за лексемой, о которой говорящие чаще всего вообще не подозревают, но которая тем не менее является истинной реальностью языка [Louw, 1993]. Обнаружение оценочности подобного рода сходно с методикой компьютеризованного определения эмоциональной тональности текста («сантимента») на больших массивах данных [Prabowo, Thelwall, 2009], где речь идет именно об оценочности «наведенной», в нашей терминологии, т.е. каузированной ближайшими «соседями» слова в контексте.

Применительно к слову *народный* отметим, что возможность импликации позитивной оценочности вытекает из такого его значения, как ‘соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению, национальным особенностям, отображающий характерные свойства народа’, что в целом оценивается носителями национального языка как безусловно положительное свойство. Здесь наводятся позитивно-оценочные смыслы: оценка ‘имеющий ценностную (духовную или этическую) значимость’, ‘соответствующий идеалам и ценностям народа’, ‘истинный, правильный, такой, какой должен быть’ и пр.: *Гости узнали, что он писал лирические стихотворения, поэмы, песни; известен он еще и как прекрасный переводчик поэтических произведений, собиратель фольклора, хранитель **народной мудрости** [НКРЯ]; *Природа ее подвига своими корнями уходит в многовековые традиции **народного благочестия** [НКРЯ].**

Контекстной реализации позитивной оценочности способствуют разнообразные интенсификаторы и конкретизаторы – при-

лагательные и наречия *действительный* (*действительно*), *подлинный* (*подлинно*), *истинный* (*истинно*) и подобные, которые, по сути, переводят внеоценочное относительное прилагательное *народный* в разряд качественных прилагательных, обозначающих позитивную оценку определяемого объекта: *Эти впечатления они увезли с собой, и это было подлинной народной дипломатией, открывающей гражданам других стран настоящий облик России и российского народа* [НКРЯ]; *Это действительно народная, добрая и душевная передача, совершенно не похожая на свои аналоги в других странах* [НКРЯ]; *Несмотря на упомянутый диалог, Садальский признался, что ему всегда нравилось сниматься в «Ерлаше», так как многие кинокартины со временем становятся неактуальными, а киножурнал «вечен» и неизменно приносит истинно народную славу* [НКРЯ].

Наведению позитивной оценочности подобного рода способствует и расширенный контекст, где общий смысл всего фрагмента несет положительно окрашенную информацию: *Поэт как бы подчеркивал: он – человек от земли, его корни в народе, в глубинах народного бытия* [НКРЯ]; *Цели фестиваля – сохранение адыгского языка, истории, воспитание подрастающего поколения в рамках адыгского этикета, кодекса чести адыгэ хабзэ и его нравственной основы «адыгагъэ», играющих важную роль в возрождении самобытных народных традиций* [НКРЯ].

В случаях подобного рода, видимо, можно говорить о выражении имплицитной позитивной оценочности посредством прагматингвистического механизма **инференции** – информации, которую адресат в соответствии с замыслом говорящего должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. Согласно Е.С. Кубряковой, инференция выступает как «одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Кубрякова, 1996, с. 33–34]. Так, в примере: *Его называют послом доброй воли, народным дипломатом* [НКРЯ] – наводится инференция ‘народный → выражающий подлинные интересы народа → достойный, правильный, соответствующий идеалу’. В примере: *И удивителен, почти невероятен рассказ автора о том, как в*

глухом краю, «на голом месте», ему и команде добровольцев-единомышленников удалось создать **эффективную систему народного просвещения и развить народное самосознание!** [НКРЯ] – наводится инференция ‘народный → соответствующий истинным интересам народа → соответствующий народным идеалам; такой, какой должен быть’.

В собранном материале очень показательны и репрезентативные контексты, где слово *народный* приобретает наведенную негативную оценочность. Это связано с представлениями о том, что народным может быть не только что-то хорошее, но и что-то плохое: *Сегодня слово «народный» в словосочетаниях «народное кино», «народный артист» и даже «народный юмор» – не комплимент. Но поскольку население вполне соответствует своим героям, а они не устают под него подлаживаться, я не вижу ничего дурного в том, чтобы они наконец слились в экстазе* [НКРЯ].

Часто подобная негативная оценка наводится в контексте употребления этого прилагательного с определяемыми словами, выражающими какие-либо негативные стороны жизни – грех, порок, недостаток, слабость, например: *Потому что на самом-то деле реальное **народное зло** – это сам чиновник и есть* [НКРЯ]; *Поговорите о **народных грехах** с ээками: они вам такие глубины порока раскроют* [НКРЯ]; *Такое ощущение, что власть снисходительна к **народным порокам*** [НКРЯ]; *В целях борьбы с повальным **народным пьянством** были приняты не только адекватные меры, как то: запрет на распитие спиртных напитков на рабочем месте, на улицах и в общественном транспорте, но и совершенно варварские, не учитывающие особенностей русского характера ограничения* [НКРЯ]; *Проблема неправильных капиталов, образующихся за счет разложения общества, **народного разврата, пьянства**...* [НКРЯ].

Негативная оценочность может наводиться и ближайшим контекстным окружением – интенсификатором с негативной оценкой (прилагательными *плохой, глупый, слабый* и пр. или соответствующими наречиями), например: *Да и медики того времени считали **народную** кухню **убогой** и вредной для здоровья* [НКРЯ], *Доктора Комаровского возмутили **глупые народные** советы против COVID-19* [НКРЯ].

В этих случаях прилагательное *народный* приобретает негативную коннотацию 'не соответствующий нормам в каком-то отношении, т.е. некачественный, непрофессиональный, плохо сделанный, ненаучный и под.', что может выражаться и в пределах всего расширенного контекста: *Как иностранным туристам, так и россиянам упорно «втирался» образ «эстрадного народного фольклора» – глупый, с накрашенными красными щеками, пляшущими под фонограмму петрушиками с удалью в пустых глазах и гипертрофированно яркими костюмами* [НКРЯ]; *С другой стороны, опера окончена в 1943 г., время требовало подпустить патриотизма, в результате образовались напыщенные хоры и сценки, исполненные тошнотворного «истинного народного юмора»* [НКРЯ].

С этим явлением связано и образование устойчивых коллокаций – терминосочетаний типа *«народная этимология»*, т.е. ложная, неправильная, не соответствующая научным данным этимология: *Силён Жолобов и в народной этимологии – изобретении новых слов. Вот, например: «Футболисты не очень активно отбарываются». Переводим: борются недостаточно активно, недорабатывают* [НКРЯ].

Отрицательный оттенок смысла, основанный на неuzuальной антонимии *народный – профессиональный, народный – научный, народный – качественный* выражается и в инференциях: *Народные массы в принципе склонны действовать не по науке, а по инстинкту* [НКРЯ]; *Получилось эффектно, но с оглядкой на народные массы, которым высокое искусство не совсем по зубам – надо его растолочь и положить в рот* [НКРЯ], *О том, что сопротивление гей-либерализации есть не только в темных народных массах, но и среди просвещенных чиновников в органах власти, стало понятно уже в ходе продавливания через парламент довольно нейтральной поправки о запрете дискриминации при приеме на работу* [НКРЯ], – где наводится инференция 'народный → косный, необразованный, ненаучный, непрофессиональный и пр.'

Также часто в инференции могут наводиться отрицательные оценки посредством употребления так называемых «иронических кавычек», которые в медиадискурсе обычно призваны выражать отстройку автора от определенных общепринятых ценностей. Так, в примере: *Судя по маститым московским священникам, отцу*

Всеволоду Чаплину и отцу Дмитрию Смирнову, в багаже отца Александра должны быть Александр Дугин, попури из лозунгов сталинской пропаганды, пророчества старцев и масса «народных верований» [НКРЯ] наводится инференция 'народный → псевдо-народный, мнимо народный, народный только по формальным признакам → не соответствующий признаку истинной народности'.

В заключение укажем, что обнаруженные в результате проведенного анализа рефлексы наведенной позитивной и/или негативной оценочности в относительных оценочно нейтральных прилагательных типа *народный* при их дискурсивной реализации еще раз свидетельствуют о сложности «устройства» «языка ценностей» этноса, о неоднозначности механизмов языкового оценивания тех или иных явлений действительности в речевых практиках носителей языка. Тем более важной представляется лингвокультурологическая интерпретация моделей «наведенной оценочности», которая позволяет увидеть и оценить особенности ценностных приоритетов людей в современном, постоянно меняющемся социокультурном пространстве.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
- Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание ; пер. с англ. / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – Москва : Русские словари, 1997. – 412 с.
- Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
- Кубрякова Е.С.* Инференции // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – Москва : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 33–35.
- НКРЯ (Национальный корпус русского языка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.10.2022).
- Радбиль Т.Б.* О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследования : сб. науч. трудов. – Нижний Новгород : Изд-во НГПУ, 1996. – С. 11–28.
- Радбиль Т.Б.* «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6, ч. 2. – С. 569–573.

- Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. – 2017. – Т. 13. – С. 107–115.
- МАС : Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Рус. язык : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.
- БАС : Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 7. – 1958. – 752 с.
- Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. – Москва : Гнозис, 2014. – 304 с.
- Firth J.R. Papers in linguistics: 1934–1951. – Oxford : Oxford univ. press, 1957. – 233 p.
- Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // Text and technology: in honour of John Sinclair / M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli (eds.). – Amsterdam : John Benjamins, 1993. – P. 152–176.
- Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: a combined approach // Journal of informetrics. – 2009. – N 3(2). – P. 143–157.
- Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford : Oxford univ. press, 1991. – 179 p.

References

- Arutiunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury”, 1999. 896 p. (In Russian)
- Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanije* [Language. Culture. Cognition / trans. from English; chief ed. and comp. M.A. Krongauz]. Moscow: Russkie slovari, 1997. 412 p. (In Russian)
- Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: codes of culture]. Moscow: Knizhnyj dom “LIBROKOM”, 2013. 456 p. (In Russian)
- Kubriakova E.S. Inferentsii [Inferences]. In: *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* / E.S. Kubryakova, V.Z. Demjankov, Yu.G. Pankrats, P.G. Luzina; pod obshej redaktsiej E.S. Kubryakovoj [A brief dictionary of cognitive terms / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, P.G. Luzin; general ed. E.S. Kubryakova]. Moscow: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. Pp. 33–35. (In Russian)
- Natsional'nyj korpus russkogo yazyka (NKRYA)* [Russian National Corpus (RNC)]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 01.10.2022). (In Russian)
- Radbil' T.B. O termine i ponyatii “ideologema” [On the term and the concept of “ideologeme”]. In: *Chelovek i yego yazyk: antropologicheskij aspekt issledovanija: Sbornik nauchnykh trudov* [Man and his language: the anthropological aspect of the study: Coll. works]. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo NGPU, 1996. Pp. 11–28. (In Russian)
- Radbil' T.B. “Yazyk tsennostej” v sovremennoj russkoj rechi i puti yego ischislenija [“Language of values” in modern Russian speech and ways of its calculation]. *Vestnik*

- Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod univ., named after N.I. Lobachevsky]. 2011. N. 6. Pt 2. Pp. 569–573. (In Russian)
- Radbil' T.B. Kul'turnaja apropiatsija zaimstvovanij v svete teorii yazykovoj kontseptualizatsii mira [Cultural appropriation of borrowings in the aspect of the theory of language conceptualization of the world]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the Russian language Institute, named after V.V. Vinogradov]. 2017. Vol. 13. Pp. 107–115. (In Russian)
- Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (MAS)* / pod red. A.P. Evgenievoj [Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Ed. Evgenieva A.P.]. Moscow: Rus.yazyk; Poligrafresursy, 1999. Vol. 1. 702 p. (In Russian)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. (BAS)* [Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 vol]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. Vol. 7. 752 p. (In Russian)
- Sokolova O.V. *Tipologija diskursov aktivnogo vozdeystvija: poeticheskij avangard, reklama i PR* [Typology of discourses of active influence: Poetic avant-garde, advertising and PR]. Moscow: Gnosis, 2014. – 304 p. (In Russian)
- Firth J.R. *Papers in linguistics: 1934–1951*. Oxford: OUP, 1957. 233 p.
- Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In: *Text and technology: In honour of John Sinclair* / M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 152–176.
- Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: A combined approach. *Journal of informetrics*. 2009 N 3(2). P. 143–157.
- Sinclair J.M. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford Univ. press, 1991. 179 p.